Эпилог

(От 1 лица)

— Как же я устала! — неожиданно в тускло-освещённой комнате всё спокойствие нарушил женский выкрик; за что его владельца одарили резким холодным и по-настоящему уставшим взглядом:

— Не сотрясай воздух; не раздражай, — послышалось в ответ.

— Кто там? А, точно! Вечно всем недовольный и вечно всему раздражающийся — Хэй! — как я могла забыть?!

— Не всем, а только тобой.

— Простите уж, — съязвила Эрсель. — Если бы могла что-то поделать, но ничего поделать не могу.

Хэй промолчал. Он снова прикрыл глаза, продолжая расслабленно сидеть на стуле, отдыхая после долгой напряжённой работы. Однако, несмотря на эту расслабленность, весь его вид и всё его отношение к происходящему прямо выдавали раздражение, подавленность и невероятную мрачность. Подобная мрачность от Хэя была в новинку для Эрсель (а источал он её уже не первый день): девушка, определённо, испытывала некоторый дискомфорт, если не страх, находясь сейчас рядом с ним. Возможно, именно поэтому она немного успокоилась и притихла, пусть и хватило её совершенно ненадолго: в конце концов, ни страх, ни дискомфорт, — ничто не было поводом вести себя не как обычно (а обычно она хамила, привлекала к себе внимание и, как следствие, раздражала). Уже скоро она снова подала свой голос:

— Никогда бы не подумала, что в подобных ситуациях нам тоже нужно что-то делать и тем более принимать участие в урегулировании беспорядков и целого ряда вопросов. Я не подписывалась на такую работу!

— Хватит сотрясать воздух и добро пожаловать в реальность, — сказал Хэй не открывая глаз; однако, если присмотреться, можно было чётко увидеть лёгкое ликование на его лице: возмущение девушки, которое усиливалось с каждым новым днём, приносило ему удовольствие и, видимо, хоть как-то тешило чувство «справедливости»; под конец он пробурчал: — В следующий раз, когда возьмёшься выполнять «его» поручения, во-первых, трижды подумай, прежде чем соглашаться, а, во-вторых, когда поймёшь, что такого понятия как «не согласиться» нет, имей в виду, что разгребать весь беспорядок и урегулировать ситуацию будешь именно ты. Наша «организация» нынче не самая маленькая, хотя раньше такого не было… как хорошо, что всё перешло тебе…

— Почему это мне?! Есть ты! Вот и будешь урегулировать всё сам! И вообще, если бы я знала, что всё настолько напряжно, никогда бы не соглашалась на эту работу!

— Поздно.

— Выбор есть всегда~

— Скажи это ему.

— Поэтому, — Эрсель проигнорировала Хэя, — брошу тебя: будешь страдать и разгребать всё сам, собственно, как и всегда~. Такая жизнь, прости, не для меня~ Я птица вольная~

— Неужели? — злорадствовал Хэй. — Стол твой. Комната твоя. Здания, люди и убийства, — всё это тоже твоё. Заправляешь всем ты. А я? Меня так вообще скоро не станет, так что… привыкай, готовься и, — Хэй открыл глаза, посмотрел на девушку и улыбнулся, — страдай.

— Ещё посмотрим, кто из нас двоих будет страдать, — покачала головой Эрсель. — Запугивать будешь свою школьницу. Я баба прожжённая — меня таким не возьмёшь.

— Не сомневаюсь. А теперь, прожжённая баба, ты мне лучше скажи и ответь на вопрос…

Услышав эти слова и прекрасно зная, о чём сейчас пойдёт речь, Эрсель тут же стала как на иголках: наступил черёд Хэя терроризировать её.

— …Где он сейчас? — спросил он.

Эта тема поднималась не единожды, и поднималась она последние несколько дней к ряду, если не больше, а когда поднималась, — обстановка тут же накалялась, а Эрсель, нехарактерно для себя, — резко поджимала хвост, отвечая:

— Я, не знаю…

Однако, сколько бы она не повторяла этот ответ, Хэй оставался недовольным:

— Знаешь, — утверждал он, а его взгляд — ужесточался.

— Не знаю.

— Знаешь.

— Не знаю.

— Не лги.

— Не лгу.

…

Что сказать, в такие моменты их разговор переходил на совершенно «новый уровень» — уровень самого бессмысленного разговора в мире; но Хэй продолжал давить: то ли от какой-то безумной уверенности, что Эрсель всё же знает ответ на его вопрос, но от упрямства или ещё чего-то не хочет отвечать; то ли пытался таким образом хоть как-то и на ком-то выместить весь свой гнев, а учитывая, что под рукой в последнее время была только она, то, вероятно, так оно и было; из чего следует только один вывод: он прекрасно понимал, что девушка не знает ответа на его вопрос и просто измывается над ней. А видя, каким пугающим он становится в такие моменты, винить её в трусливости было бы глупо: подобная агрессия на ровном месте не на шутку пугала и заставляла девушку воспринимать всё на свой счёт. Вывод: Хэй — мудак!

— Так где он? — снова повторил Хэй.

— Не знаю, — снова ответила Эрсель.

— Знаешь.

— Не знаю.

…

К этому менту комната и стол, за которым сейчас сидела Эрсель и которые она «унаследовала» от Хэя, казались какими-то маленькими: Хэй уже не сидел. Он стоял. Навис над столом, девушкой и всей комнатой, как сгорбленный человек нависает над землёй, пусть на деле его спина была ровной, как ствол, поза — расслабленной, а единственный жест, выдающий его агрессию, — скрещенные на груди руки.

Эрсель в свою очередь делала всё возможное, чтобы казаться твёрдой и холодной, как лёд; чтобы всем своим видом создать уверенный образ человека, которому совершенно всё равно на эти невербальные упрёки и агрессию в свой адрес; но как бы она не старалась и какой бы раздражающей не была сама, всё это казалось детским лепетом: доминирующее и наставническое отношение со стороны Хэя давало о себе знать, собственно, как и страх перед ним.

«Нет ничего страшнее разгневанного человека, особенно, когда этот гнев направлен на тебя», — казалось, Эрсель прочувствовала эту фразу каждой клеточкой своего тела, хотя и сама

недавно источала подобный гнев после своего незапланированного сна и предпосылок к нему, да и сами воспоминания о тех событиях, без сомнений, заставляли её нервную систему генерировать потенциал действия сопоставимый со взрывом маленькой планеты, и, судя по тому, как она вела себя наедине сама с собой, бомбило у неё знатно.

Сейчас же Эрсель оказалась на противоположной стороне: была тем, кто принимает гнев, а не направляет его, пусть и не по своей воле.

— Может уже отстанешь от меня?! — не выдержав, девушка сама подорвалась на ноги.

— Отстать? В другой раз. Тебе всего-то нужно сказать мне, где его найти.

— У себя спроси, а я — не знаю!!

— Давай не будем начинать сначала?

— Я не знаю!!

— Не продолжай. Это он сказал тебе не говорить?

— Нет!

— Тогда?

Эрсель ничего не сказала, лишь послала Хэя своим безмолвным взглядом.

— Тогда? — повторил тот и, вероятно, он был единственным человеком, который имел «власть» довести Эрсель до такого загнанного в угол состояния, пусть она и сама была далеко не подарком и, бывало, начинала играть в молчанку специально, с твёрдым намерением сделать / скрыть какую-нибудь гадость, которой она зачастую пыталась привлечь к себе внимание. Кто знает, но, быть может, сейчас она сожалела за те разы и считала, что именно поэтому Хэй не хочет ей верить?

— Тогда? — снова повторил Хэй, заставив Эрсель чуть ли не взорваться от раздражения, однако этого не произошло: страх преобладал.

Взяв себя в руки, девушка сказала:

— Я правда не знаю.

— Ясно. Всё-таки это он сказал тебе не говорить мне.

— Нет.

— Хорошо, хорошо, — «успокаивающе» ответил Хэй. — Очевидно, он избегает меня. Очевидно, ты помогаешь ему в этом…

— Это не так.

— …Ты продолжаешь лгать и лгать. Делаешь всё, что бы я отстал от тебя. Хорошо! Ты оказалась куда упёртее! Целеустремлённее! Ты победила — я и правда больше ничего не могу сделать. Мне ничего не остаётся кроме как молча смириться и опустить руки. Да и, — Хэй пожал плечами и сел на изначальное место, — мне надоело быть участником этого бессмысленного разговора.

— Взаимно!

Двое одарили друг друга безмолвным и бессильным взглядом — трагикомичная ситуация: хоть смейся, хоть плачь, хоть стой, хоть падай. Благо, не собирались атаковать друг друга — уже хорошо.

— Суть проблемы лежит на поверхности и заключается в том, — заговорила Эрсель в надежде сгладить углы, — что я не лгу и правда не знаю ответа на твой вопрос, но, чтобы я не сказала, ты мне всё равно не поверишь и будешь думать, что я по тем или иным причинам скрываю от тебя правду.

— Потому что так оно и есть.

— Нет. С момента нашей последней встречи прошло около недели. Ты прекрасно знаешь, где это было и где находится его новый дом. Но то, что этот дом пустует практически все эти дни и неизвестно сколько ещё будет пустовать, — не имеет ко мне никакого отношения!

— Будь я на твоём месте, сказал бы то же самое, чтобы ты от меня отстала.

— Я же говорю: чтобы я не сказала, ты мне не поверишь…

В воздухе снова повисли напряжение, молчание и резкие взгляды, которые вряд ли бы переросли в новый спор, по крайней мере, сегодня; но которые определённо вызвали бы лёгкую горечь у людей, знающих двоих и наблюдающих эти распри, растянутые во времени, со стороны.

◊ ◊ ◊

Кашлянув, прочистив горло и размяв связки после длительного застоя, выждав подходящий момент и развеяв Храм Пустоты, я ворвался в разговор, не дав двоим возможности собраться с мыслями:

— Всё это здорово, конечно; но — кончайте страдать фигнёй и переливать из пустого в порожнее! Мне надоело это слушать.

Двое дёрнулись от неожиданности и повернулись в сторону шума.

Я продолжил:

— Две «пешки» стали «ферзями» и не могут решить, кто из них круче?

Эффект неожиданности сделал своё дело: двое остолбенели и не спешили отходить от своего шока, даже Хэй, который в этом плане был очень внимательным и осторожным, не оказался исключением. Секундой позже он хотел было дёрнуть рукой, но получил в ответ лишь резкий «альстись, ты всё проспал» взгляд, отчего остановился, выругался и еле сдерживаясь, чтобы не активировать синтез какой-нибудь магии или не направить в мою сторону пару клинков, опустил голову.

— Хочу огорчить, — продолжил я, не вставая с дивана, — но пока что круче всех вас выглядит только Оливер; вы же, — я покачал головой, — смотрю, расслабились: сегодня не заметили меня, а завтра что, вообще перестанете смотреть по сторонам? Молчите? Ладно, — я махнул рукой; лишь добавил в конце: — И это я ещё не учитывал, что в отличие от вас у неё лапки…

Прежде, чем в комнате повисло очередное молчание, заговорила Эрсель (она была куда более рада моему внезапному появлению, чем Хэй):

— Как долго ты здесь?..

— Долго? — переспросил я. — Смотря что подразумевать под «долго».

— Я… — хотела было ответить она.

— Например, — продолжил я, — если ты о том, застал ли я ваш разговор полностью или нет, то мой ответ «да»: я здесь достаточно долго, чтобы застать его от начала и до конца. Если же, Эрсель, ты о том, достаточно ли я здесь долго, чтобы застать твои нервные припадки, излияния и оскорбления в свой адрес, повторяющиеся из раза в раз по нескольку раз на день, то… ладно будем считать, что я здесь не настолько долго.

— Это нарушение личного пространства!

Эрсель негодовала и злилась, но в целом её поведение было ближе к ребяческому, чем к настоящему недовольству, чего нельзя было сказать о Хэе. Он был отрешённым и серьёзным.

— Разве, — неожиданно, он обратился к Эрсель, — ты не можешь ощущать скрывающую магию?

— Могу!

— Тогда?.. — спросил Хэй и покосился на меня.

Эрсель восприняла этот вопрос как критику своих способностей и, ничего не сказав, стала пыхтеть и бросать резкие взгляды по сторонам.

— Ей было не до таких мелочей, — ответил я вместо неё. — Это тебе не проклятиями сыпать. Но ладно… — я перевёл взгляд на самого Хэя и спросил: — Сам тогда что? Ты так упорно искал меня, хотел увидеть, что-то сказать, может, спросить? Я всё это время был поблизости, даже обидно, что меня все игнорировали: видимо, вы настолько увлеклись своими «устремлениями», что полностью ослепли. Я уж подумал, что стал призраком как в тех сказках, но мои попытки пройти сквозь стены или предметы не венчались успехом, — жалко, конечно, но это лишь подтвердило, что, во-первых, я не призрак, а, во-вторых, что вы реально ослепли. А слепота дорогих сердцу людей и полное игнорирование, будто тебя вообще не существует, — зрелище не самое приятное.

— Могу сказать тоже самое.

— Я знаю, что я тебе очень дорог, Хэй. Спасибо.

— Я не об этом…

— Об этом или нет — неважно. Главное, вот он — я, — я указал на себя. — Прямо перед тобой. Так что милости прошу~

Хэй замялся, то ли подбирая слова, то ли обдумывая какой-то умный план, то ли, наоборот, полностью завис, совершенно не зная, как поступить.

Бывает, у человека накапливается столько недовольства, которое он прокручивает в голове, ждёт часа, чтобы выплеснуть это всё наружу, становится резок и агрессивен — лучше не трожь! — но в самый ответственный момент происходит какая-нибудь неожиданная «мелочь» и сбивает весь настрой, — это был случай Хэя.

— Молчание — хороший знак, — сказал я. — Когда люди вокруг тебя способны сами ответить на свои вопросы — это благодать. Что может быть лучше? Ничего. Как хорошо, что вы такие умные~

— Это правда, мы такие, — самодовольно кивнула Эрсель, за что получила от Хэя неодобрительный взгляд.

— Как тебе твои новые обязанности, Эрсель? Хэй был хорошим наставником?

— Да…

— Смотри, как хвалит тебя, Хэй, а ты её, бедняжку, с самого утра прессуешь. Я, конечно, понимаю, что ты стоишь горой только за Мишель~ — я пропел имя и добавил: — А сейчас — за Хаён~

— А она здесь причём? — тут же вставил он, сузив глаза.

— …Но, во-первых, как минимум одна из них точно в состоянии за себя «постоять» и разобраться с тем, как себя вести и какие выводы сделать. Во-вторых, это не повод измываться над другими…

— Я не измываюсь! — Хэй начал раздражаться.

— …Тем более над Эрсель, — я одарил девушку ласковым взглядом. — Эрсель — молодец: если бы не она, меня бы здесь сейчас не было. Как говорится, довериться пропасти и упасть~, а так, даже не знаю, чтобы со мной случилось.

— Ты утрируешь… Пожалуйста… К чему это всё… Не за что… — вклинилась Эрсель, перебирая фразы в попытках найти подходящую.

— Поэтому, Хэй, не ругайся на неё: это чистейшей воды правда — она не знала ответ на твой вопрос. Я бы даже сказал, единственным, кто его должен был знать — это ты сам, но тебе было не до него.

— Ясно, — только и ответил он.

— Но~ Хаён ты упомянул как раз вовремя, — я перевёл тему и улыбнулся.

— Давай к делу! — голос Хэя стал раздражённее.

— Хватит вечно смотреть на меня как на человека, который всё время что-то замышляет или

строит козни. Я не такой.

— Все мы не такие. Так что?

— Даже не знаю, что ты хочешь услышать.

— Я хочу услышать, к чему ты сейчас заговорил о Хаён.

— Ааа, ты об этом. То есть о ней~ К чему заговорил? — задумался я. — Интересный вопрос… Что же там было?! Ай, не помню, да и неважно, — я пожал плечами, а чуть погодя продолжил:

— Думаю, правильнее было бы начать с другого вопроса, хотя… скорее проблемы, — я сделал паузу и посмотрел на Хэя; затем вздохнул и серьёзно продолжил: — Я вытер о тебя ноги, ведь так? Во всех смыслах риторический вопрос, несущий в себе однозначный ответ; и я признаю, что сделал это, — я вытер о тебя ноги. Я долго думал, как мне искупить свою вину, но… Сколько бы я не думал, ко мне пришло чёткое понимание: подобными мыслями я лишь ещё больше вытираю о тебя ноги. Мне нет ни прощения, ни искупления, — Хэй закатил глаза. — Хотя не буду лукавить: я искренне, пусть и наивно желал их. Желал прощения. Желал искупления. Однако. Мы оба знаем, что подобного рода желания, — лишь проявление невежества и человеческой глупости, которые присущи всем.

Хэй ничего не ответил и просто смотрел мне в глаза. Понимая, что он не планирует как-либо реагировать или отвечать, я подобрал слова для завершения своей речи, однако прежде чем начать, бросил на него изучающий взгляд, стараясь запечатлеть в своей памяти образ этого грубого неотёсанного человека, который всё это долгое время беспрекословно исполнял свои обязанности:

— Хэй, мы оба знаем, что в конечном итоге ты в состоянии проглотить и переварить мой «проступок», как кот переваривает мышь, но… Это не изменит факта существования проступка. Как и не изменит наличия внутреннего негодования, хотя, возможно даже, сильной неистовой злости, поглотившей тебя, пусть и видно, что ты стараешься держать себя в руках. Похвально! Тяжесть прожитых лет и умение трезво смотреть на вещи дают о себе знать. Мне будет сильно не хватать их. Даже сейчас они способны остановить тебя от радикальных и необдуманных действий. Твоя выдержка… Это то, чего мне будет не хватать. То, к чему стоит стремиться каждому. И то, что всегда дополняло и делало меня самого более полноценным. Ведь у меня с ними проблемы. Сильные проблемы. Ты и сам знаешь. Да и Эрсель в этом плане не многим лучше меня, — я посмотрел на девушку, опустившей к этому моменту голову. — Однако сейчас это всё не важно — всё это вещи минувших дней! Дней прошлого, отпечатанного в памяти. Глубоко в памяти, как последовательность слэма в твоей маске. Нам больше не о чем говорить, всё что хотели мы уже давно друг другу сказали. С этого момента у тебя своя дорога. Своя. Личная. Но не одинокая! Я уверен, Хаён поможет тебе, направит тебя. Я искренне счастлив, что вы нашли друг друга. А теперь прости и — уходи.

Хэй замялся. Замялся, буквально на мгновение. Однако быстро взял себя в руки. Встал и вышел.

Повисла тишина — «пустота», будто из комнаты вместе с его уходом был выкачан и весь воздух.

◊ ◊ ◊

Ни много ни мало — прошло время и послышался обычный голос Эрсель:

— Он ушёл навсегда?

— Кто знает? — так же обыденно ответил я. — Воспринимай это как свой любимый сериал про девочек-волшебниц…

— Вспомнил!

— …Он ушёл, чтобы вернуться в «сто пятом сезоне пятой серии», когда главный злодей захочет клонировать Землю, чтобы столкнуть их между собой, потому что это так забавно…

— Но это правда было забавно!

— Вот видишь, в твоём лице уже есть главный злодей. Герой ещё вернётся в лице Хэя. Но… Чего-то не хватает, не думаешь?

— Чего? — задумалась Эрсель.

— Ммм… Дай подумать… О! Нехватает запутанных извращённых отношений между главным злодеем и героем! Поэтому для идеального сюжета осталось добавить романтические сопли между вами и всё! Остальным условиям вы и так соответствуете — вы же практически как брат и сестра!

— Можно я тоже уйду?! Навсегда!

— То есть вслед за Хэем?

— Да!

— Смотрю, ты готова на всё ради идеального сюжета! Похвально! Но ещё рано. Нужно ближе к

финалу…

— Я пошла! — Эрсель вылетела из комнаты.

— Только не забудь вернуться~ — пропел я и полностью завалился на диван.

Эрсель вышла вслед за Хэем. Вскоре догнала. Стала о чём-то расспрашивать. Возможно, хотела удостовериться в его намерениях, возможно, — попрощаться, а может, — что-то ещё. Все это не имело значения и не заботило меня: самое проблемное позади — большего и не нужно. Мне удалось сохранить контроль над ситуацией и решить вопрос «Хэя» без лишней головной боли, а учитывая, как много её было в последнее время, то такой исход можно было считать практически победой, пусть на деле весь его уход — одно большое поражение, хотя… Говорить о поражении рано: пока есть Хаён, её желания и связь между ними, — всё не так уж и плохо. Направил Хаён — направил Хэя. Пускать Хэя на «вольные хлеба» и не знать при этом, куда именно ступит его нога, — дело такое себе. В первую очередь для него самого.

Итак, с этим проблем нет — вопрос «Хэя» полностью закрыт и уходит в самый дальний ящик, вероятно, навсегда; и пусть это не самое достойное завершение для самого достойного сотрудника, но оно ультимативно, а значит, вполне приемлемо.

http://tl.rulate.ru/book/25164/1695183